

**«НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ»
ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
(К ПРОБЛЕМЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
ЛАКУНАРНОСТИ
И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ)**

Савченко А. В.

Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Тайвань

Аннотация:

Среди лексики, характеризующей качества характера, ментальные способности человека, обнаруживаются слова, которые можно отнести к «национально-специфическим»: выражая в целом универсальное по своему значению понятие, они оказываются маркированными определенными коннотациями, возникающими в сознании носителей данного языка, отражают важные с их точки зрения черты характера и манеры поведения в общекультурологической системе ценностей и картине мира. В семантике подобных слов, как правило, сочетается сразу несколько качеств, объединенных общностью значения. Нередко такие лексемы представляют собой «переводческие лакуны»: они или безэквивалентны, или переводимы лишь частично, в основном описательно или же близкой по значению и смыслу характеристикой.

Ключевые слова:

славянские языки, языковая картина мира, концепт, ментальная лексика, национальный характер, качества характера.

**“NATIONALLY-SPECIFIC” PERSONALITY
TRAITS AND THEIR REFLECTION IN
THE LEXIS OF SLAVIC LANGUAGES (TO
THE PROBLEM OF INTERLANGUAGE
LACUNARITY
AND EQUIVALENCE)**

Savchenko A. V.

National Chengchi University
Taipei, Taiwan

Abstract:

Among the lexis that characterizes personality traits and mental abilities of a person, come to light words that can be classified as “nationally-specific”. They express a concept that is generally universal in its meaning, but at the same time they turn out to be marked with certain connotations that arise in the minds of native speakers of a given language, reflecting the most important from their point of view aspects of the person’s character and behavior traits in the general system of cultural values and picture of the world. The semantics of such words, as a rule, combines several qualities at once, united by a common meaning. Frequently such lexemes represent interlingual gaps (lacunae), i.e. they are either non-equivalent, or are only partially translated, mainly descriptively or with the help of a characteristic similar in meaning and sense.

Keywords:

Slavic languages, Linguistic picture of the World, concept, mental lexicon, national character, character traits.

Одним из важных семантических полей в лексическом фонде любого языка можно считать лексико-семантические группы слов, выражающих различные качества человека, в первую очередь, характеризующих его внешность и ментальные способности. Обозначая различные черты внешнего вида и свойства характера, подобные слова помогают создавать индивидуальный словесный портрет человека, складывающийся из характеристики облика и тех качеств характера, ума, личности в целом, которыми обладает индивидуум.

Говоря о лексико-семантических группах обозначенного поля, отметим, что в европейских (в т.ч. славянских) языках, в первую очередь, можно выделить «лексические универсалии», т.е. слова, обозначающие общие, наиболее распространенные свойства, качества и характеристики, которыми может обладать любой человек вообще, вне зависимости от расовой, национальной, социальной и т.п. принадлежности. При этом для ЛСГ «Внешние характеристики человека» универсальность, общность выражаемого значения в различных языках проявляется в большей степени, в то время как для лексики, отражающей различные внутренние, душевные, ментальные качества, нередко свойственно не только разнообразие, но и более усложненная семантическая, понятийная образность, в т.ч. имеющая свою национальную специфику. В отличие от слов, достаточно четко номинирующих то или иное значение, подобные лексемы как правило содержат в себе сразу несколько характеристик, создавая при этом целую палитру семантических оттенков.

Обратимся к словам, отражающим умственные, ментальные и иные качества, относящиеся к внутреннему миру человека, манерам его поведения и способностям логического мышления. Рассмотрим некоторые лексемы, которые по своему семантическому наполнению и коннотативным особенностям можно назвать композитными понятиями, заключающими в себе сразу целый ряд качеств. Некоторые из подобного рода лексем оказываются национально-специфическими, т.е. отражающими для носителя данного менталитета важные черты национального характера, манеры поведения, особенности мышления и т.д. При передаче подобных слов на другие языки, в т.ч. близкородственные славянские, нередко возникает проблема их эквивалентности, переводимости – непереводимости (resp. частичной переводимости). Даже сравнительно небольшой анализ

подобных лексем в русском языке на фоне других славянских демонстрирует интересную картину специфики ментальных качеств в системе ценностей того или иного славянского народа, открывает «панорамный вид» на «общее» и «национально-специфическое» в родственном, но при этом многообразном в культурно-лингвистическом проявлении, образе мышления и способах его вербального выражения славянском мире.

Специфическими качествами русского характера можно считать характеристики, возникшие на основе национальных русских концептов. А. Вежицкая выделяет три основные категории русской ментальности: «судьба», «тоска», «душа» (Вежицкая 1996: 33; Вежицкая 2001). С концептом *душа* связано считающееся специфическим русским свойство – *душевность* ('искреннее дружелюбие, сердечность') и характеристика человека – *душевный* – 'полный искренней доброты, теплоты, сердечности, дружелюбия'; здесь сочетается целый ряд качеств, создающих сложное семантическое единство, при этом в определенных контекстах дополнительно возникает значение 'добрый, чуткий, отзывчивый'. Такая семантическая осложненность, комплексность, композитность общего значения делает лексему лакунарной в аспекте перевода. В других языках это понятие и свойство, как правило, выражается описательно – с помощью сходных, смежных понятий, например, такими как *сердечный, приветливый, ласковый, доброжелательный, дружелюбный* и т.п., однако они не способны в полной мере отразить всю ассоциативную палитру значения русской лексемы (ср., например, пол. *serdeczny*, чеш. *srdečný*; максимально близкие по значению и смыслу лексемы укр. *душевний*, серб., хорв. *duševan* не так частотны, как в русском узусе). Примечательно, что сами русские нередко затрудняются дать четкое и исчерпывающее определение *душевности*, их понимание, что такое *душевный человек*, во многом индивидуально.

К национально-специфическим концептам можно отнести и *совесть* (Ермакова 2000: 375), что соотносится с распространенной морально-поведенческой характеристикой *совестливый человек* – 'поступающий по совести, стыдящийся делать что-либо несправедливое, неблагоприятное'. Практически аналогичную параллель находим в чешском: *svědomitý* ('добросовестный, совестливый'; от *svědomí* 'совесть'), хотя по своему значению чешская лексема все же ближе значению 'добросовестный'; в русском можно говорить о более глубоком нравственно-

философском концептуальном наполнении слова *совестливый*, что подтверждает его дефиниция в словаре С.И. Ожегова: ‘обладающий чувством нравственной ответственности перед другими, поступающий по совести’ (Ожегов 2014). Данное прилагательное-положительная характеристика в обоих языках относится, скорее, к высокому стилю, в то время как противоположная негативная номинация – *бессовестный* (‘тот, кто не имеет совести, нечестен, беззастенчив’) – более характерна для нейтрально-разговорного стиля и весьма частотна как оценочная характеристика человека в живой речи. При этом русская лексема *бессовестный* в славянских языках фактически безэквивалентна: в основном ей соответствуют близкие, но не тождественные понятия, например, чеш. *nestoudný* (‘бесстыдный; нахальный’), серб., хорв. *bezobrazan*.

Еще одним важным концептуальным понятием в русской культуре является *женственность*. Словари, как правило, трактуют это понятие следующим образом: «факт или качество наличия характеристик, которые традиционно считаются типичными или подходящими для женщины: *Длинные волосы традиционно считались признаком женственности. Цветы и кремовое кружево у платья подчеркивают женственность и нежность*» (OED). Практически сходное приведенной трактовке значение имеют чешские слова *ženskost* и *ženství*. В русском языке характеристика *женственный* – это не просто ‘с качествами, свойствами женщины’, а еще и заключенный в этом слове целый ряд важных для женщины, с т.зр. носителя русского менталитета, качеств, в частности, ‘мягкий, нежный, изящный’ (Ожегов 2014; Ожегов, Шведова 1992). При этом фактически любой представитель русской культуры может продолжить список качеств, под которыми он понимает *женственность*, и зачастую этот набор, как и в случае с *душевностью*, будет глубоко субъективным. Примечательно, что украинское *жіночість*, *жіночий* включает в себя еще одно важное понятие – *материнство*. Отметим, что аналогичные понятия есть и в других славянских языках, однако их семантическое, образно-метафорическое и функциональное наполнение будет несколько отличаться от русского (resp. восточнославянского), например, пол. *kobiecość*, серб./хорв. *ženstvenost*, в отличие от русского, в первую очередь, связано с понятием гордости и статности.

Говоря о сходных качествах, имеющих при этом некоторые отличия в семантике, а также – и в концептуальном понимании,

смысловом восприятии в разных славянских языках, интересную параллель можно обнаружить в чешском и русском языках. В чешском, особенно в его разговорном варианте, весьма частотна лексема *šikovný* – ‘ловкий, умелый’. Однако контекстуальное употребление в живой речи демонстрирует более широкий спектр значений этого слова с точки зрения семантики и прагматики. По нашему мнению, максимально близким по основной идее «ментальной оценочности» будет русское *проворный*, также обладающее своей спецификой по шкале внутренних качеств человека. Две характеристики, объединяющие чешскую и русскую лексему, – это ‘ловкость и быстрота действий’, однако для чеха на первый план здесь выходит семантический оттенок ‘умелый, сообразительный, смысленый’, в то время как для русского важнее именно скорость реакции и ловкость. В отличие от чешской лексемы, русское *проворный* в настоящее время находится на периферии поля ментальной оценочности и фактически обнаруживается в пассивном лексиконе: сегодня оно малоупотребительно. Чешскому *šikovný* по «семантическому духу» максимально близко и рус. *ловкий*; в этой связи можно обратить внимание на то, что в некоторых контекстах это русское прилагательное, в отличие от чешского, способно приобретать некоторые негативные коннотации, что особенно четко видно в семантике оценочного слова *ловкач* (‘пронырливый, изворотливый человек’), в то время как чешское употребляется как положительная характеристика, в качестве похвалы, одобрения в адрес «обладателя» данного качества. Частично в семантическом и функционально-прагматическом плане *šikovný* пересекается с разговорным *шустрый* (‘бойкий, подвижный, ловкий, проворный’). Можно провести параллель и со словом *бойкий* (‘ловкий, быстрый, расторопный; находчивый’) – данным прилагательным также можно охарактеризовать ум человека: ‘способный быстро схватывать, живой’. Отметим, что в русских лексемах *шустрый*, *бойкий* на первый план в семантическом и контекстуально-прагматическом отношении выходит сема ‘активность, подвижность’, в то время как в основе чешского слова заложена именно сема ‘способность, умение, навык’. Семантический диапазон чеш. *šikovný* значительно шире, чем предлагаемые словарями дефиниции, особенно если слово используется как характеристика девушки: *šikovná holka* – это еще и умная или же эффектная девушка, а не просто сообразительная, т.е. на первый

план уже выходят внешние данные.

Очень близким рассмотренным выше оказывается еще одно «национально-специфическое» понятие – *смекалка* (‘способность быстро понять что-л.; сообразительность; сметливость’) и качество человека – *смекалистый*. Стереотипно считается, что «русская смекалка» – это концепт, связанный исключительно с русской культурой и отражающий особенности мышления, представлений и способа действий русских (в близкородственных русскому восточнославянских языках мы не обнаружим точного аналога, например, украинское *кмітливий* – это, скорее, *сообразительный*, а не *смекалистый*, хотя это весьма близко по сути и смыслу). В основе данного качества можно выделить такие черты, как сообразительность, находчивость, остроумие, а также – как и в случае со словом *проворный* – быстрота принятия решения. Как правило, на славянские языки это концептуальное понятие и присущее ему качество передается словами, выражающими какое-либо одно из перечисленных качеств, входящих в понимание данного понятия. В чешском языке близкое по смыслу качество выражается прилагательным *bystrý*, в семантике которого заложена быстрота «ментальной», умственной реакции (Máček 1957, Rejzek 2001), в то время как этимология русского *смекалка*, *смекалистый* непосредственно связана с умственной деятельностью (Фасмер 1986, Т. II: 594). В сербском и хорватском языках можно выделить лексему *dosetljiv*, которая, в зависимости от прагматической ситуации и контекста, может выражать как значение ‘догадливый, находчивый’, так и ‘остроумный’ (RMS 2011). Подобная многоплановость семантики и вариативность значения делает такого рода лексемы лакунарными в плане эквивалентности и точности соответствия. В рассматриваемом аспекте значений приведем и польское *błyskotliwość* – *błyskotliwy*, в семантике которого заложено понятие *błysk* – т.е. вспышка, молния, и которое в зависимости от интенции говорящего может выражать в контексте целый ряд значений, в частности: ‘ловкость, сообразительность’, а в качестве прилагательного – как значения ‘ловкий, сообразительный’, так и ‘остроумный, находчивый’ (PWN).

Если для русского характерна *смекалистость*, упомянутая русская *смекалка* является частью русского национального характера, одной из черт русского менталитета, то для чешского менталитета во многом сходной по своей значимости будет *chytrost*,

а черта характера – *chytrý*. В данном случае мы сталкиваемся с типичным и довольно частым для славянских языков явлением межъязыковой омонимии: в отличие от «созвучного» русского прилагательного *хитрый*, чешское включает в себе ярко выраженную позитивную коннотацию: *chytrost* – ‘ловкость, сообразительность’, соответственно, лексема *chytrý* имеет целый спектр семантических и прагматических оттенков значения: ‘ловкий, сообразительный, умный, остроумный’, в т.ч. и ‘хитрый’, но с положительной или нейтральной оценочностью. Добавим также, что если в русском языке прилагательное *ловкий* – это положительная черта, а *ловкач* – уже, скорее, негативная характеристика, то в чешском и *chytrý*, и дериват *chytrák* – ‘хитрец, хитрюга’, но также и ‘умница’, ‘умник’ – лишены четко выраженного негативного значения, а употребляются, скорее, с оттенком иронии, шутки.

Итак, будучи в некоторых общих качественных чертах сходными, русские лексемы *ловкий*, *проворный* и чешские – *šikovný*, *chytrý* или укр. *смiтливий*, *кмітливий* все-таки отличаются от рус. *смекалистый*, которое действительно оказывается лакунарным при переводе, т.к. основная сема в значении русской лексемы – способность мыслить нестандартно, умение находить неординарное, часто парадоксальное решение, быстро и эффективно решить проблему при минимуме имеющихся возможностей и ресурсов (как в известной сказке: «сварить кашу из топора»), что органично «вписывается в русский национальный характер, которому всегда приписывалось свойство неуловимости, непознаваемости, загадочности как национально выраженное» (Желтова 2000: 881).

Одной из специфических в рассматриваемом аспекте украинских лексем является *щирий*, вариативность значений (resp. перевода) которой зависит от контекста, особенностей коммуникативной ситуации и лексической сочетаемости. Так, среди значений можно выделить как минимум три основных: 1. ‘искренний, (чисто)сердечный, душевный, радушный, откровенный’; 2. ‘настоящий, действительный, реальный’; 3. ‘усердный, старательный’ (СУМ), при этом все эти значения объединяются в ставшем фактически фразеологизированным сочетании-этнофразеологизме *щирий українець*, т.е. ‘истинный; подлинный, истый; настоящий; любящий Украину’. О специфике значения, его полисемантности можно говорить

и в случае с украинским словом *необачний* – ‘неосторожный, неосмотрительный’, но также и ‘безрассудный, опрометчивый, необдуманный’.

Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем «общечеловеческую», общеязыковую универсальность большинства качеств, близость их понимания и трактовки в разных славянских языках. В то же время, нередко обозначаемая черта представляет собой полисемичность значений, когда данное понятие, характеристика включает в себя целый спектр составляющих: сходных, смежных качеств, черт характера или ума, иных семантических оттенков. Дополнительная сложность заключается в том, что этот набор значений и семантических оттенков в отдельных славянских языках может различаться: в определенном языке на первый план выходит та или иная сема, как, например, в русском *смекалистый* – не только быстрота (ср. с чеш. *bystrý*, пол. *blyskotliwy*), но именно нестандартность решения проблемы, граничащая с парадоксальностью мышления. Лакунарность в таких случаях вызвана невозможностью точно обозначить передаваемую характеристику, однако при этом сохраняется возможность более или менее адекватного перевода или передача на другой язык этого качества, данной характеристики с помощью относительно близких понятий.

Для правильного понимания, интерпретации и передачи подобной лексики необходим комплексный учет контекстуально-прагматических, функционально-стилистических, семантических, а также иных особенностей контекста, коммуникативной ситуации, в ряде случаев включая и экстралингвистические данные, примером чего может служить украинская лексема *цирий*. В принципиальной важности реализации той или иной семы значения может проявляться национальная специфичность слова, его культурно-языковой колорит.

В заключение отметим, что подобная лексика отражает многовековой жизненный опыт определенного народа, его морально-нравственные качества и этические установки, философско-религиозные убеждения, верования, образ мышления, специфику мировосприятия и т.д. Свойственный такого рода лексемам оценочного характера более широкий семантический диапазон обуславливает синкретизм их значения, что, с одной стороны, порождает известные трудности при передаче на другой язык, когда отдельные оттенки семантики могут теряться

(вплоть до полной потери изначально заложенного смысла, ошибочного перевода) или передаваться лишь описательно ввиду семантической, функционально-прагматической лакунарности их значения. По нашему убеждению, поднимаемая в статье проблема требует комплексного изучения в рамках межславянских языковых (resp. концептуальных лингвокультурных) параллелей.

Литература

- Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996.
- Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. М., 2001.
- Ермакова О.П. Концепты «совесть» и «зависть» в их языковом выражении // *Русский язык сегодня*: сб. ст. Вып. 1. М., 2000. С. 375–385.
- Желтова Н.Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект) // *Вестник ТГТУ*. 2004. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-russkogo-natsionalnogo-haraktera-teoreticheskiy-aspekt>. (Дата обращения: 18.09.2023).
- Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2014.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. «Азъ», 1992.
- СУМ: Академічний тлумачний словник української мови. [Электронный ресурс] URL: <http://sum.in.ua>. (Дата обращения: 18.09.2023).
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. II. М., 1986.
- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.
- OED: Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.oed.com>. (Дата обращения: 15.10.2023).
- PWN: Słownik języka polskiego. [Электронный ресурс] URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/rubaszny;2574483.html>. (Дата обращения: 17.10.2023).
- Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Leda, 2001.
- RMS: Rečnik srpskoga jezika. Matica srpska. Novi Sad, 2011.